

УДК 903.23'12.02 (571.56)

В.М. Дьяконов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия
E-mail: dyakonov_vm@rambler.ru*

КЕРАМИКА УЛАХАН-СЕГЕЛЕННЯХСКОЙ КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЯКУТИИ

В статье описывается керамика бронзового века, декорированная «жемчужинами» в сочетании с вдавлениями и штампами, которая является основным индикаторным признаком памятников выделяемой нами улахан-сегеленняхской культуры, распространившейся на территории Южной, Юго-Западной и Западной Якутии, вплоть до центральных ее областей, во II тыс. до н.э. Она по ряду параметров (технология изготовления, форма сосудов, орнамент и др.) отличается от усть-мильской и имеет черты керамики как материнской ымыяхтахской культуры, так и пришлого населения. Распространение улахан-сегеленняхской культуры в Якутии, судя по всему, не было всеобъемлющим, но охватывало значительную таежную территорию бассейнов Алдана, Олёкмы, Вилюя и средней Лены. Основу пришлого компонента составляли, по-видимому, глазковские племена, проникавшие сюда через верховья этих рек.

Ключевые слова: Якутия, бронзовый век, улахан-сегеленняхская культура, керамика, сосуд, орнамент, «жемчужины», штампы, вдавления.

Введение

В отличие от неолита, эпоха бронзы представляется сегодня недостаточно полно изученной страницей древней истории Якутии, хотя ей посвящены соответствующие разделы и главы в обобщающих монографиях, освещающих открытые здесь археологические культуры [Окладников, 1949, 1955; Федосеева, 1968; Архипов, 1989; Алексеев, Гоголев, Зыков, 1991; Алексеев, 1996]. С 1960-х гг. на этой обширной территории была известна только одна культура, целиком относящаяся к бронзовому веку, – усть-мильская, выделенная С.А. Федосеевой и Ю.А. Мочановым сперва на Алдане, а затем и в других районах [Федосеева, 1970а, б, 1974; Мочанов, Федосеева, 1976, с. 524]. Ей посвящена монография В.И. Эртюкова [1990], который объединил весь накопленный до 1980-х гг. включительно материал по бронзовому веку Якутии.

До недавних пор считалось, что ымыяхтахскую культуру позднего неолита в регионе почти повсе-

местно сменила именно усть-мильская, хотя отнесение первой из них к определенному историческому периоду остается дискуссионным. Ымыяхтахская культура зародилась в финале неолита, а ее носители на позднем этапе культурного развития заимствовали бронзовые предметы у соседей [Федосеева, 1980, с. 215; Мочанов и др., 1983, с. 18]. Позже потомки ымыяхтахцев сами освоили металлургию бронзы [Хлобыстин, 1998, с. 175; Эверстов, 1999а, с. 53; Кирьяк, 2005, с. 11]. Исследователи относили ымыяхтахскую культуру как к позднему неолиту [Федосеева, 1980, с. 215; Алексеев, 1996, с. 55], так и к бронзовому веку [Хлобыстин, 1987].

В разное время археологи пытались выделить в бронзовом веке Якутии ранний и поздний этапы [Окладников, 1955; Эртюков, 1990], а также особую стадию энеолита [Зыков, 1978, с. 37–38]. Основной исследователь ымыяхтахской культуры С.А. Федосеева в последнее время характеризует ее как переходный этап от неолита к эпохе бронзы [1999, с. 58–59; Мочанов, Федосеева, 2001, с. 32; 2002, с. 28]. По наше-

му мнению, она была изначально по сути позднелитической, но затем в результате миграционных процессов стала трансформироваться в ряд культур бронзового века [Дьяконов, 2007, 2008, 2009; Алексеев, Дьяконов, 2009]. Работы С.И. Эверстова на нижней Индигирке и полученные в ходе их радиоуглеродные даты убедительно показывают, что потомки ымыяхтахцев в Заполярье сосуществовали с носителями культур бронзового и железного веков, не изменяя при этом свою традиционную материальную и духовную культуру, хотя у них уже было развитое бронзолитейное производство [1998, 1999а, б, 2006]. Усть-мильские же памятники на севере единичны. В заполярных районах Якутии и на сопредельных территориях, по-видимому, на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. существовала выделяемая нами сугуннахская пережиточно-ымыяхтахская культура бронзового века [Алексеев, Дьяконов, 2009; Дьяконов, 2009].

Маркирующим элементом и основным материалом для выделения усть-мильской культуры бронзового века была своеобразная керамика, резко отличающаяся от керамики предшествующих и более поздних культур, представленная преимущественно гладкостенными сосудами с налепными валиками [Эртюков, 1990, с. 85, 111]. Каменный и костяной инвентарь на усть-мильских памятниках немногочислен и невыразителен [Алексеев, 1996, с. 70]. Нужно также подчеркнуть, что отнесение к конкретным культурам бронзового века писаниц, а также единичных бронзовых изделий, найденных на территории Якутии, проблематично и на современном уровне знаний однозначно не решается. Единичные погребения, датируемые некоторыми исследователями эпохой бронзы и даже причисляемые конкретно к усть-мильской культуре, зачастую плохо документированы или хронологизированы не вполне аргументированно [Там же, с. 72; Дьяконов, 2010]. Помимо эталонной для усть-мильского комплекса валиковой керамики, исследователи включали туда как отдельный тип (XIV по типологической таблице В.И. Эртюкова) посуду, украшенную «жемчужинами», вдавлениями и оттисками штампов, хотя она в общих чертах резко отличается от характерной усть-мильской [Эртюков, 1980, 1990, 1992; Алексеев, 1996]. При этом В.И. Эртюков указывал, что «керамика с “жемчужинами” до сих пор не зафиксирована в чистых слоях эпохи бронзы и поэтому ее отнесение к усть-мильской культуре пока условно» [1980, с. 94]. По мнению С.А. Федосеевой, посуда, орнаментированная «жемчужинами», могла проникнуть к ымыяхтахцам вместе с сейминско-турбинскими бронзовыми изделиями [1980, с. 205]. Она также указывала на возможность того, что в отдельных районах к западу от Лены на смену ымыяхтахской культуре вместо усть-мильской (или наряду с ней) могла прийти куль-

тура, для которой характерна керамика с зубчатыми отпечатками [Там же, с. 211].

По мнению В.И. Эртюкова, носители традиции украшать керамику оттисками гребенчатого штампа и «жемчужинами» проникли на территорию Якутии из районов Прибайкалья, скорее всего, через верховья Лены и Вилюя в середине – конце II тыс. до н.э. [1990, с. 112]. Предполагалось также, что их миграции были немногочисленными, а степень влияния на становление усть-мильской культуры неопределенна. Вместе с тем В.И. Эртюков связывал появление некоторых бронзовых изделий, таких как мурьинский кельт, хатынгнахский и сюльдюкарский ножи, именно с носителями данных керамических традиций [Там же], хотя как проявление отдельного культурного комплекса или даже варианта культуры это не постулировалось.

Таким образом, до недавнего времени считалось, что эпоха бронзы в Якутии представлена единой усть-мильской культурой, которая была распространена по всей ее территории и даже в сопредельных районах [Там же, с. 111]. По нашим нынешним представлениям, в регионе в бронзовом веке существовали как минимум три культуры: улахан-сегеленняхская, усть-мильская и сугуннахская [Алексеев, Дьяконов, 2009; Дьяконов, 2009, с. 19]. Наиболее яркий признак первой из них – своеобразная керамика с «жемчужинами», вдавлениями и оттисками штампов. Отдельному рассмотрению такой керамики, найденной в Якутии, был посвящен наш доклад на II Международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», проходившей в г. Иркутске 3–7 мая 2011 г. [Дьяконов, 2011]. Цель предлагаемой статьи – продолжение разработки этой научной проблематики. Памятники и комплексы с такой керамикой относятся к выделяемой нами улахан-сегеленняхской культуре. Другие компоненты этой культуры (каменный и костяной инвентарь, хозяйственная и обрядово-ритуальная деятельность ее носителей и др.) и их специфику еще предстоит определить, проанализировать и осмыслить, поэтому в данной статье вопросы, связанные с ними, не рассматриваются. Попутно анализируются только хронология и ареал культуры – территория, на которой была распространена такая керамика.

Описание керамики улахан-сегеленняхской культуры

В Якутии керамика, декорированная «жемчужинами» в сочетании с оттисками штампов и вдавлениями, найдена на средней Лене, Олёмке, Алдане и Вилюе (рис. 1). Она отнесена к улахан-сегеленняхской культуре, получившей наименование по названию мно-

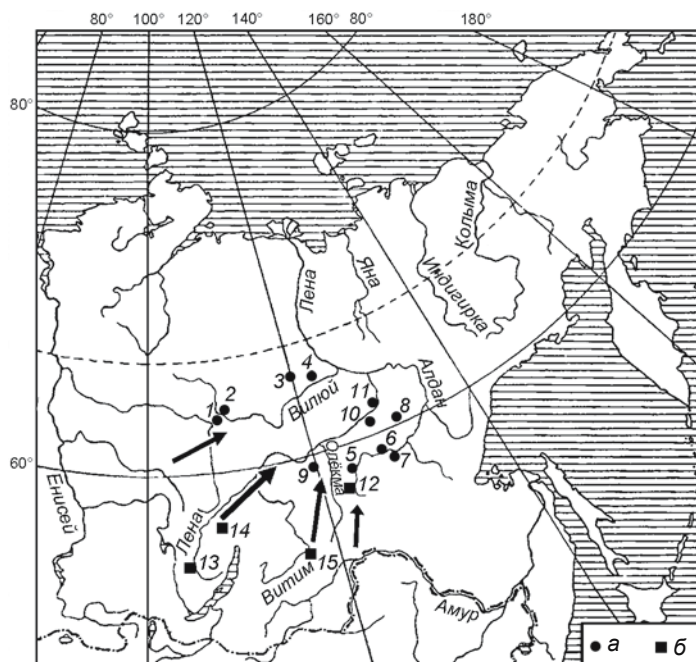

Рис. 1. Месторасположение памятников улахан-сегеленняхской культуры (а) и предположительно связанных с нею (б).

1 – Усть-Чиркуо I; 2 – Улахан-Эдьек I, II; 3 – Сыангда; 4 – Хоту-Туулаах; 5 – Усть-Чуга II; 6 – Сумнагин II; 7 – Угино I; 8 – Тангха I; 9 – Улахан-Сегеленнях; 10 – Хонгсуор; 11 – Немоюгюцэ; 12 – Алдакай I; 13 – Усть-Чикальтуй-1; 14 – Усть-Миня-1; 15 – Усть-Каренга-12, -14, -16. Стрелками показано направление предполагаемых миграций населения, участвовавшего в сложении улахан-сегеленняхской культуры.

гослойдного памятника Улахан-Сегеленнях* (бассейн Олёкмы, р. Токко), где в культурном слое VII, датированном бронзовым веком, она впервые зафиксирована в четких стратиграфических условиях [Кириллин, 1996; Алексеев, 1996]. Помимо керамики, каменного

*Этимология топонима сама по себе весьма интересна. Стоянка находится на правом приустьевом мысу левого притока р. Токко, по-якутски называемого Улахан Сөгөлөннөх. По информации выдающегося якутского ученого-энциклопедиста первой половины XX в. Г.В. Ксенофонтова, старинное слово «сөгөлөн» обозначает скрученные для ночлега хвоистые лиственничные ветки, на которые ложились и накрывались такими же ветками [Ксенофонов, 1992, с. 233]. «Нёёх»/«нээх» – аффикс обладания [Левонтьев, Новикова, 1989, с. 46; Багдарыын Сьюлбэ, 2004, с. 8]. Прилагательное «улахан» переводится с якутского как «большой, крупный, главный и т.д.». Таким образом, гидроним Улахан Сөгөлөннөх (русифицированная форма Улахан-Сегеленнях) переводится приблизительно как «большая речка с лиственничным лапником для ночлега». В то же время автор фундаментального «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарский, помимо первой, приводит вторую трактовку слова «сөгөлөн» – «удача на охоте или в промысле» [1959, стб. 2299]. В этом понимании Улахан Сөгөлөннөх – удачная для охоты и промысла пушного зверя местность.

и костяного инвентаря, а также костей животных и рыб, здесь найдено 20 фрагментов льячки, что указывает на возможное наличие бронзолитейного производства [Алексеев, 1996, с. 71]. По органическим остаткам из слоя VII получены радиоуглеродные даты $3\,570 \pm 140$ (ИМ-1011) и $3\,120 \pm 120$ (ИМ-1009) л.н. [Там же, с. 69]. В нашей работе, посвященной радиоуглеродной хронологии культур неолита и бронзового века Якутии, был ошибочно указан калиброванный интервал первой даты ($\pm 2\sigma$) 2600–1750 гг. до н.э. [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 31, 35, 38], вследствие чего удревнена нижняя граница и растянуты ориентировочные рамки улахан-сегеленняхской культуры – $2\,175 \pm 425 \dots 1\,350 \pm 350$ лет до н.э. (продолжительность ок. 830 (?) лет). Действительный калиброванный интервал даты ИМ-1011 ($\pm 2\sigma$) 2300–1500 гг. до н.э. и, соответственно, предполагаемый период существования культуры $1\,900 \pm 400 \dots 1\,350 \pm 350$ лет до н.э., что составляет не менее 550 лет.

В культурном слое VII стоянки Улахан-Сегеленнях (рис. 1, 9) обнаружены фрагменты шести керамических сосудов, форму пяти из которых удалось полностью восстановить*. Вся реконструированная керамика круглодонная, открытого типа, с выделенной горловиной (рис. 2, 14, 18, 22, 23). Следы ленточно-кольцевого налета на изломах черепков не прослежены. Посуда изготовлена, скорее всего, вручную методом выдавливания емкости из кома глины и последующим выколачиванием стенок ударно-прессующим инструментом с одновременным прикладыванием с внутренней стороны гладкого камня-наковаленки. Такая технология, как считает С.А. Воробьев [1999, с. 69–71], специально занимавшийся (в т.ч. в полевых условиях на стоянке Улахан-Сегеленнях) экспериментальным моделированием сосудов, могла применяться на территории Якутии начиная с раннего неолита и заканчивая средневековьем. В общем весь технологический процесс, по его мнению [Там же, с. 71], сводился к созданию полости из кома глины при помощи рук и лопатки-колотушки с наковаленкой, установке тальникового кольца на устье будущего сосуда, увеличению объема емкости за счет формовки и уплотнения стенок, моделированию руками и выколачиванию лопаткой, срезанию кольца с устья, обработке поверхности и нанесению орнамента. Это значит, что в основе процесса формовки лежала скульптурная лепка методом выколачивания. Версия же изготовления посуды на шаблоне отклонена нами

*Реставрация керамики и описание ее морфологических характеристик выполнены А.С. Кириллиным.

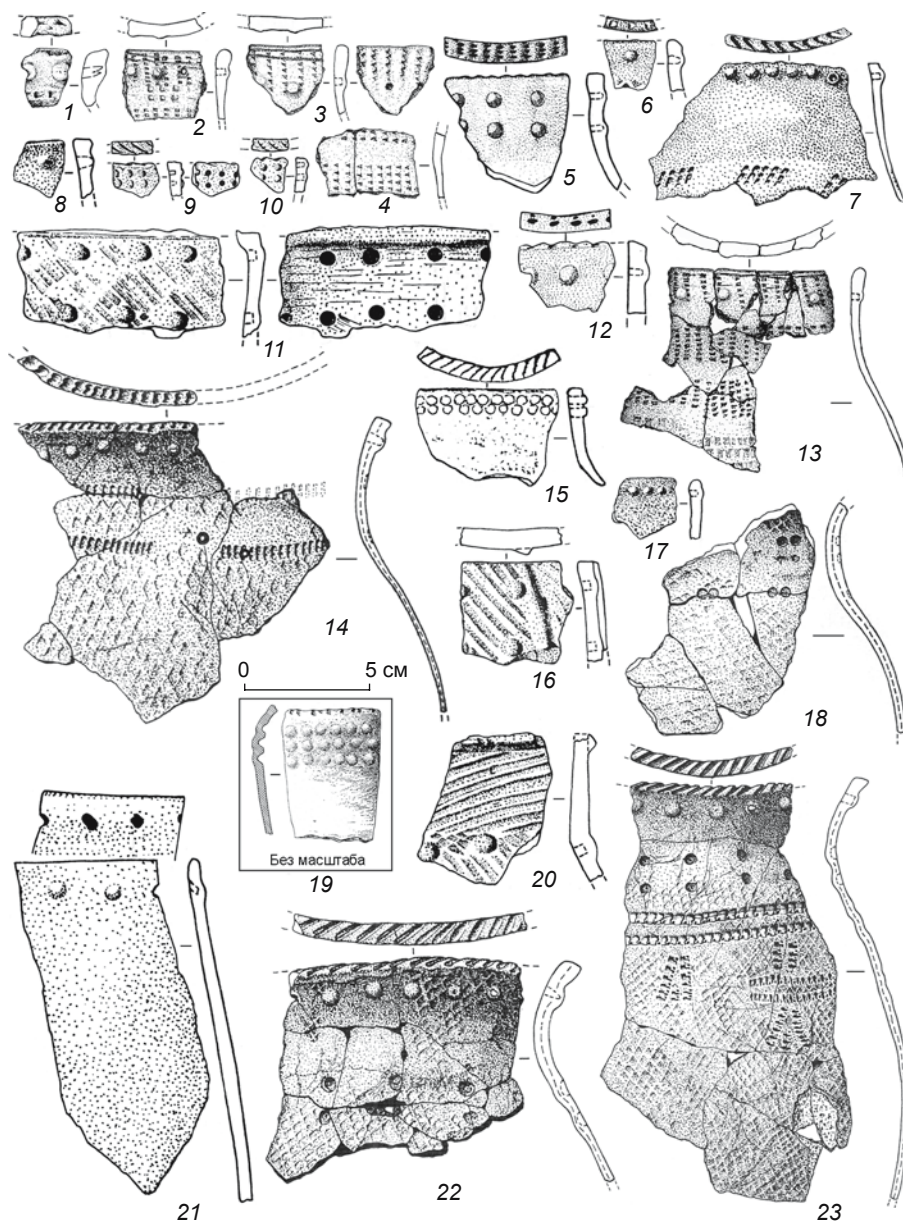

Рис. 2. Керамика улахан-сегеленняхской культуры.

1 – Немюгюнцы; 2–4, 13 – Усть-Чуга II; 5 – Улахан-Эдьек II; 6 – Тангха I; 7 – Угино I; 8, 11, 16, 19–21 – Усть-Чиркуо I; 9 – Хоту-Туулаах; 10 – Сянгда; 12 – Улахан-Эдьек I; 14, 18, 22, 23 – Улахан-Сегеленнях; 15 – Хонгсуор; 17 – Сумнагин II. 1 – неопубликованный материал Н.П. Прокопьева; 2–4, 13 – [Воробьев, 2007, табл. 28, 7, 10, 11; 29, 1]; 5, 12 – [Антипина, 1980, табл. I, 15, 20]; 6 – [Козлов, 1980, табл. II, 16]; 7, 17 – [Эртыков, 1980, табл. II, 28, 29]; 8–11, 16, 20, 21 – [Мочанов и др., 1991, табл. 1, 9; 7, 5; 25, 3, 12, 15; 84, 2; 92, 6]; 14, 18, 22, 23 – [Алексеев, 1996, табл. 40–42]; 15 – [Эртыков, 1990, табл. 14, 3]; 19 – [Федосеева, 1968, рис. 14, 6].

виду того, что эта технология имеет крайне ограниченные возможности морфологического варьирования [Жушиховская, Понкратова, 2000, с. 131], в то время как улахан-сегеленняхская керамика отличается именно усложненной профилировкой.

Для изготовления посуды применялись лопаточки-колотушки с вафельным рельефом. На пяти сосудах зафиксированы оттиски с ромбическими ячейками, на одном – с квадратными. Размеры ячеек варьируют

от $0,5 \times 0,5$ до $1,0 \times 1,0$ см. Вся керамика двухслойная, по-видимому, за счет послышной формовки, когда на почти готовый сосуд наклеивались дополнительные пласти (лоскуты) глиняного теста, которые также тщательно выколачивались лопаточкой. Высота сосудов приблизительно 20–30 см. Толщина стенок 0,2–0,8 см, в среднем 0,3–0,5 см. Стенки тулова тоньше, чем венчика и днища. В глиняном тесте визуально определяются включения песка, травы и шерсти.

Следует отметить, что примесь шерсти и растительных компонентов в большей степени характерна для ымыяхтахской керамики, но встречается также в усть-мильской, хотя и гораздо реже, являясь результатом влияния ымыяхтахской гончарной традиции [Дьяконов, 2001; Дьяконов, Эртюков, 2001].

Четыре сосуда имеют древние следы починки. На стенках сохранились остатки черного вещества, скорее всего, березового вара. В слое найдены соединенные варом фрагменты керамики. Таким образом, удалось воссоздать способ починки керамических сосудов в бронзовом веке: образовавшуюся трещину заделывали горячей вареной смолой, затем накладывали снаружи и изнутри полоски вара шириной 1,5 см и дополнительно укрепляли стяжкой, для чего по обеим сторонам трещины просверливали отверстия.

Орнамент на керамике отличается большой выразительностью и сложностью [Алексеев, 1996, с. 69–70, 72, 77, 79, 139–140, табл. 40–42]. Бортики (верхние поверхности венчиков) сосудов украшены косыми (наклон вправо) гладкими вдавлениями, отпечатками двузубчатого полукруглого штампа. Венчики декорировали выдавленными изнутри «жемчужинами», которые образуют непрерывные горизонтальные пояса. Сразу под ними на шейке ряды круглых вдавлений, оттисков зубчатого (двузубчатого и фигурно-зубчатого) штампа. Выделяются орнаментальные композиции, состоящие из нескольких элементов. Первый – это пояс «жемчужин», он присутствует во всех композициях. Второй элемент состоит из одного или двух

рядов круглых вдавлений. На одном сосуде вдавления в поясе сдвоены. Третий элемент – две параллельные горизонтальные полосы из оттисков зубчатых штампов, прерывающиеся или сплошные. Четвертый – стилизованные антропоморфные фаллические фигуры, выполненные фигурно-зубчатым штампом (рис. 3).

Нами уже отмечалось ранее, что антропоморфные изображения на керамике появляются на территории Якутии именно во II тыс. до н.э. [Дьяконов, 2002] с приходом сюда населения, знакомого с металлом и имевшего навыки изготовления медных и бронзовых изделий. Тенденция распространения символических антропоморфных изображений характерна для искусства бронзового века Прибайкалья. По-видимому, в том числе и оттуда в Якутию проникли племена, давшие импульс к сложению здесь новой культуры эпохи бронзы. По техническому и стилистическому исполнению, а также манере изображения (например, наличие рук в виде двух горизонтальных линий, рогатых голов, имитация кругового хороводного танца) антропоморфные фигуры на керамике из слоя VII стоянки Улахан-Сегеленнях обнаруживают некоторое сходство с изображениями на отдельных сосудах бронзового века Прибайкалья [Алексеев, 1996, с. 72–73; Горюнова, Новиков, 2009].

В бассейне Алдана посуда, украшенная «жемчужинами», встречена на стоянках Усть-Чуга II, Сумнагин II, Угино I, Тангха I (р. Амга). В четких стратиграфических условиях улахан-сегеленняхская керамика выявлена в культурном слое II стоянки Усть-Чуга II [Воробьев, 2007] (см. рис. 1, 5). Здесь обнаружены фрагменты по крайней мере семи сосудов. Три из них украшены выдавленными изнутри «жемчужинами». Первый представлен восемью фрагментами венчика и привенчиковой части (см. рис. 2, 3, 4). Это тонкостенный сосуд, декорированный по меньшей мере тремя горизонтальными поясами из вертикальных оттисков шестизубчатого штампа, двумя продавленными поверх первого пояса линиями (след технологической обмотки?) и одним рядом «жемчужин» под ним. Вертикальные оттиски того же штампа нанесены и на внутреннюю поверхность венчиков [Там же, с. 23–24, 107, 109, табл. 28, 7, 10; 30, 2, 4]. Второй сосуд выделяется по фрагменту венчика (см. рис. 2, 2). Он орнаментирован как минимум двумя поясами из вертикальных оттисков семизубчатого штампа, соединенными «перемычкой» из шести прямоугольных вдавлений зубчатого штампа (три в ширину, два в высоту), и одним рядом «жемчужин» в зоне верхнего пояса [Там же, с. 24–25, 107, 109, табл. 28, 11; 30, 3]. Третий сосуд определен по 35 фрагментам вафельной керамики (см. рис. 2, 13). Он украшен тремя поясами из вертикальных оттисков семизубчатого штампа, небрежно продавленной (аналогично первому сосуду) поверх первого линией и одним рядом «жемчужин» в

Рис. 3. Сосуд из культурного горизонта VII стоянки Улахан-Сегеленнях, украшенный стилизованными антропоморфными фигурами.

зоне этого пояса [Там же, с. 26, 108–109, табл. 29, 1; 30, 6]. В глиняном тесте сосудов обнаружены песок и зерна кварца [Там же, с. 24, 27, 29].

С.А. Воробьев, рассматривая культурную принадлежность керамики из слоя II стоянки Усть-Чуга II, пишет: «... вместе с тем, совокупность перечисленных признаков (тонкостенность сосудов, горизонтальная поясность декора, наличие «жемчужин» и оттисков зубчатого штампа, вафельного технического орнамента на стенках. – В. Д.) сближает керамический комплекс... не с «чистым» комплексом усть-мильской культуры, а с юго-западной зоной ее распространения. Наиболее близка в этом отношении керамика стоянки Алдакай I на р. Амедици (левый приток верхнего Алдана) и Улахан-Сегеленнях на р. Токко (левый приток р. Чара). Ареал распространения керамики с совокупностью вышеперечисленных орнаментальных и морфологических признаков распространяется и далее на запад – в пределы верхнего Витима, Забайкалья и Прибайкалья» [Там же, с. 30–31]. Из этого видно, что исследователь, по-видимому, определял здесь локальный вариант культуры бронзового века, затрудняясь отнести комплекс стоянки к усть-мильской культуре. По углю из очага в слое II стоянки Усть-Чуга II определена дата $3\ 145 \pm 75$ л.н. (СОАН-6687), калиброванный интервал которой для $\pm 2\ \sigma$ 1610–1210 гг. до н.э. [Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 36]. Она согласуется с радиоуглеродными датами, полученными для культурного слоя VII памятника Улахан-Сегеленнях.

На алданской стоянке Сумнагин II (см. рис. 1, 6) найден фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 17) с одним рядом «жемчужин» [Эртюков, 1980, с. 92, табл. II, 28; 1990, с. 39, 130; табл. 17, 1]. На многослойном памятнике Угино I (см. рис. 1, 7) в культурном слое I, датированном ранним железным веком [Мочанов и др., 1983, с. 38], обнаружен фрагмент венчика гладкостенного сосуда (см. рис. 2, 7), украшенного рядом «жемчужин», ниже которого (в привенчиковой зоне) имелся как минимум один пояс из сгруппированных по пять косых (наклон вправо) оттисков трехзубчатого штампа. Бортик орнаментирован косыми (наклон влево) вдавлениями гладкой лопатки [Эртюков, 1980, с. 92, табл. II, 29; 1990, с. 40, 127, табл. 14, 2; Мочанов и др., 1983, с. 205, табл. 103, 8]. Исследователями отмечается, что культурные слои I (ранний железный век) и II (усть-мильская культура эпохи бронзы) этого памятника нарушены пахотой и современными постройками [Мочанов и др., 1983, с. 38; Эртюков, 1990, с. 40], поэтому здесь возможно смешение культурных остатков.

На амгинской стоянке Тангха I (см. рис. 1, 8) зафиксирован фрагмент венчика вафельного сосуда (см. рис. 2, 6), орнаментированного рядом «жемчужин» [Козлов, 1980, с. 57, табл. II, 16; Мочанов и др., 1983, с. 367, табл. 262, 20]. Судя по иллюстрациям, бортик

был украшен полуовальными вдавлениями типа горизонтально вытянутого овала со срезанной левой частью. Примечательно, что аналогичное оформление бортика встречено здесь на типично ымыяхтахских по облику вафельных сосудах [Козлов, 1980, с. 57, табл. II, 10, 25, 31; Мочанов и др., 1983, с. 367, табл. 262, 25, 30, 31]. Этот факт, на наш взгляд, также подтверждает раннее происхождение улахан-сегеленняхского комплекса и его формирование на ымыяхтахской основе.

В среднеленском бассейне керамика с «жемчужинами» выявлена на стоянках Хонгсуор и Немюгюнцы (см. рис. 1, 10, 11). На первой (р. Буотома, правый приток Лены) найден фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 15), украшенного двумя рядами близко расположенных «жемчужин». Бортик оформлен косыми (наклон вправо) вдавлениями [Эртюков, 1990, с. 70, 127, табл. 14, 3]. В неопубликованных материалах Н.П. Прокопьева со стоянки Немюгюнцы, обнаруженной в ленской долине Эркээни (приблизительно в 50 км южнее г. Якутска) на пашне у сельской больницы, есть мелкий фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 1), орнаментированного по меньшей мере одним рядом «жемчужин», ниже которого сохранились неясные оттиски зубчатого штампа.

Керамика с «жемчужинами» встречена на ряде вилюйских стоянок: Улахан-Эдьек I, II, Усть-Чиркуо I, Сыангда (Тюнг), Хоту-Туулаах. На памятнике Улахан-Эдьек I (см. рис. 1, 2) обнаружен обломок венчика с утолщенным, скошенным наружу бортиком (см. рис. 2, 12), который украшен оттисками двузубчатого (судя по рисункам, в середине бортика вдавления овальные, у внутреннего края – точечные) штампа. Сразу под бортиком расположен ряд «жемчужин» [Антипина, 1980, с. 41–42, табл. I, 15; Эртюков, 1990, с. 57, 127, табл. 14, 8; Мочанов и др., 1991, с. 104, табл. 29, 1]. На стоянке Улахан-Эдьек II (см. рис. 1, 2) найден фрагмент венчика (см. рис. 2, 5), украшенного двумя горизонтальными рядами «жемчужин», по бортику – прямыми параллельными оттисками трехзубчатого штампа [Антипина, 1980, с. 42, табл. I, 20; Эртюков, 1990, с. 57, 127, табл. 14, 6; Мочанов и др., 1991, с. 104, табл. 29, 3].

Комплекс керамики с «жемчужинами», состоящий из шести сосудов, отмечен на стоянке Усть-Чиркуо I (см. рис. 1, 1). В коллекции из подъемных сборов, проведенных на бечевнике р. Вилюй у памятника, зафиксированы фрагменты, по-видимому, трех сосудов, оформленных рубчатой лопаточкой. Первый представлен обломком венчика (см. рис. 2, 11) с отогнутым внутрь бортиком, украшенного двумя горизонтальными рядами «жемчужин» [Мочанов и др., 1991, с. 100, табл. 25, 3]. Второй определяется по фрагменту венчика (см. рис. 2, 20), декорированного по бортику наlepным (?) валиком, рассеченным сгруппированными по две косыми (наклон влево) насечками. Ниже про-

слеживается горизонтальный ряд «жемчужин» [Там же, с. 100, табл. 25, 12]. Третий сосуд выделяется по обломку венчика (см. рис. 2, 16), украшенного наlepным (?) валиком, идущим от бортика вниз на тулово, и двумя горизонтальными рядами «жемчужин» [Там же, табл. 25, 15]. При раскопках, проведенных на стоянке Усть-Чиркуо I в 1962–1963 гг. С.А. Федосеевой, в нижнем слое найден фрагмент венчика (см. рис. 2, 19), орнаментированного, судя по рисунку, тремя горизонтальными рядами близко расположенных «жемчужин», по внешнему краю бортика – прямыми вдавлениями лопатки [Федосеева, 1968, с. 54, 110, рис. 14, 6]. Исследовательница относила этот слой к развитому неолиту [Там же, с. 137]. При последующих работах на стоянке, ее стратиграфия была уточнена и скорректирована. В первом культурном слое, датированном эпохой палеометалла, был обнаружен мелкий фрагмент венчика (см. рис. 2, 8) с прямым бортиком и «жемчужиной» [Мочанов и др., 1991, с. 76, табл. 1, 9], а во втором (ымыяхтахская культура позднего неолита) – обломок венчика гладкостенного (?) сосуда (см. рис. 2, 21) с округлым бортиком и одним горизонтальным рядом «жемчужин» сразу под ним [Там же, с. 82, табл. 7, 5].

На стоянке Сянгда (р. Тюнг, левый приток Вилюя) в шурфе найдено девять черепков гладкостенной керамики, в т.ч. мелкий фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 10), украшенного по меньшей мере двумя горизонтальными рядами «жемчужин». Его бортик оформлен косыми (наклон влево) оттисками трехзубчатого миндалевидного штампа [Там же, с. 49, 158, табл. 84, 2]. Этот памятник – самый северный в Якутии (см. рис. 1, 3), на котором зафиксирована керамика с такой орнаментацией.

На озерной стоянке Хоту-Туулаах (см. рис. 1, 4) обнаружен мелкий фрагмент венчика сосуда (см. рис. 2, 9), украшенного как минимум двумя горизонтальными рядами «жемчужин». Бортик орнаментирован косыми (наклон влево) вдавлениями [Там же, с. 166, табл. 92, 6].

Перечисленными находками исчерпываются опубликованные на сегодняшний день в археологии Якутии данные о керамике со специфическим элементом орнамента – «жемчужинами», хотя, возможно, это еще не полный список.

Круг ближайших аналогий

Керамическая посуда, украшенная «жемчужинами», была широко распространена в конце неолита и бронзовом веке в Забайкалье, Прибайкалье, Приангарье, а также Западной Сибири. Ближайшие аналогии улахан-сегеленняхской керамики прослеживаются в Прибайкалье. В частности, указывается, что ряды «жемчу-

жин» и линии, выполненные протягиванием палочки с периодическими нажимами, считаются наиболее характерными элементами орнамента на глазковских сосудах [Хлобыстин, 1987, с. 332]. По информации В.В. Краснощёкова и А.В. Тетенькина, рубчатая и гладкостенная керамика, декорированная «жемчужинами», найдена на стоянках Усть-Чикальгуй-1 (культурный слой I) в верховьях Лены южнее с. Жигалова и Усть-Миня-1 (культурный слой I) в бассейне р. Киренга (правый приток Лены) на севере Иркутской обл. (см. рис. 1, 13, 14). Территориально близкими, а возможно и входящими в ареал улахан-сегеленняхской культуры, являются также комплексы витимских стоянок Усть-Каренга-12, -14, -16 (везде культурный слой I) (см. рис. 1, 15), содержащие вафельную керамику с отогнутым наружу венчиком, украшенную ямочным орнаментом, «жемчужинами» и штампами (устные сообщения А.В. Тетенькина и В.М. Ветрова). Радиоуглеродные даты $3\ 250 \pm 40$ (JE-2649) и $3\ 670 \pm 40$ (JE-2650) л.н., полученные на этих местонахождениях [Ветров, Самуилова, 1990, с. 123], в целом аналогичны датам южно-якутских памятников улахан-сегеленняхской культуры. А.Н. Алексеев отмечал, что «по основным показателям сосуда с Олёкмы и Витима идентичны», а «Витим, стыковая зона Приамурья, Забайкалья и Якутии, был, надо полагать, одним из путей, по которому в Якутию проникла традиция нанесения “жемчужин” на стенки сосудов» [1996, с. 77].

На поселении Алдакай I (см. рис. 1, 12), находящемся на р. Амедичи в бассейне верхнего Алдана, обнаружена керамика, в которой сочетаются черты ымыяхтахской (круглодонность, вафельный декор) и синхронных ей культур Забайкалья и Прибайкалья (налепные валики, рассеченные многозубчатый штамп, вдавления-каннелюры и др.) [Воробьев, 2003, с. 62–63]. Данный керамический комплекс, возможно, не является «чистым» улахан-сегеленняхским, т.к. выдавленные изнутри сосуда «жемчужины», как яркий определяющий признак керамики этой культуры, здесь не выявлены, хотя на одном фрагменте венчика у бортика прослежен округлый налеп, имитирующий «жемчужину» [Там же, с. 58, 62, рис. 9, 13]. Кроме того, в алдакайской коллекции отмечены сосуды, орнаментированные валиками, что не характерно для улахан-сегеленняхской посуды. С.А. Воробьев относит данный памятник к эпохе бронзы, исходя в основном из полученной для дна жилища радиоуглеродной даты $3\ 185 \pm 65$ л.н. (СОАН-4730) [Там же, с. 46, 62]. При этом автор указывает, что, хотя основной компонент комплекса имеет автохтонные черты, включать его в число «чистых» усть-милских преждевременно [Там же, с. 64]. В материалах памятника Алдакай I, помимо местных корней и заметного влияния культур позднего неолита и бронзового века Прибайкалья и Забайкалья, явно прослежи-

вается связь с вознесенновской поздненеолитической культурой Приамурья. Наглядным примером могут служить наконечники стрел с четырехгранным жалом, оформленным своеобразными имитационными сколами типа резцовых [Там же, с. 48–50]. Аналогичный прием оформления наконечников отмечен на нижнеамурских поселениях позднего неолита Кабачи, Кольчем-3, Малая Гавань, Гончарка-1 [Шевкомуд, 2004, с. 54, 85–86, 113, табл. 36, 7; 64–I, 6, 7]. Вместе с тем археологические материалы вознесенновской культуры [Медведев, 2005, с. 253–259] существенно отличаются от алдакайских.

Комплексы с керамикой, украшенной «жемчужинами», объединяемые в самостоятельную большебухтинскую культуру, обнаружены на ряде памятников Северо-Восточного Приамурья и Сахалина, отдельные находки зафиксированы на материковом побережье Татарского пролива [Дерюгин, Лосан, 2009, с. 52, 66, табл. 10]. Радиоуглеродные даты, полученные в основном по пищевому нагару на сосудах с поселений Гольй Мыс-1 и Большая Бухта-1, показывают, что эта культура существовала в пределах середины – второй половины I тыс. до н.э. [Шевкомуд, 2008, с. 168], а вероятнее всего, в VII–IV вв. до н.э. [Дерюгин, Лосан, 2009, с. 52]. Большебухтинские гончарные изделия представлены круглодонными тонкостенными сосудами, украшенными рядами «жемчужин» и композициями в технике отступающей лопаточки. Керамику сопровождает неолитоидный каменный инвентарь [Шевкомуд, 2008, с. 164, 168, табл. 5, 3, 4]. Происхождение большебухтинской культуры связывается исследователями с влиянием восточно-сибирских культур и даже неолита и бронзового века Якутии [Там же, с. 169; Дерюгин, Лосан, 2009, с. 52].

Выводы

Характерными особенностями керамики улахан-сегеленняхской культуры являются следующие:

1. Формовка сосудов проводилась методом выдавливания емкости из кома глины руками и выколачиванием стенок ударно-прессующим инструментом с одновременным прикладыванием с внутренней стороны гладкого камня-наковаленки (в некоторых случаях с послойным наращиванием тонких глиняных пластов). Найдена однослойная и двухслойная керамика. Похожая технология изготовления прослеживается по материалам археологических памятников Якутии от раннего неолита до средневековья.

2. Сосуды имеют преимущественно усложненную профилировку – с горловиной либо выраженным устьем и округлым дном. Горшки такой формы лишь изредка встречаются в поздненеолитических комплексах Якутии [Федосеева, 1980, табл. 2; Воробьев, 1999,

с. 75, рис. 2], а также на памятниках усть-мильской культуры, в которой не являются преобладающими [Эртюков, 1990, табл. 24; 1992, рис. 2].

3. Состав теста улахан-сегеленняхской керамики изучен только по материалам некоторых памятников, поэтому нет оснований для широких выводов, тем более что петрографический анализ не проводился. Визуально в черепках отдельных сосудов определены песок, дресва (зерна кварца), шерсть и растительные остатки. Такой состав больше всего характерен для ымыяхтахской керамики, поэтому наличие органических примесей в тесте указывает на генетическую связь улахан-сегеленняхской культуры с ымыяхтахской, что, впрочем, отмечается и для других культур бронзового века Якутии (усть-мильской и сугуннахской).

4. Найдены сосуды как с техническим декором (вафельные и, в меньшей мере, рубчатые), так и без него (гладкостенные). Наличие вафельных, рубчатых и гладкостенных сосудов характерно для ымыяхтахских памятников [Федосеева, 1980], а также комплексов раннего железного века Якутии [Константинов, 1978]. Это отмечается и для глазковской культуры [Хлобыстин, 1987, с. 331]. Классическая же усть-мильская керамика гладкостенная.

5. В декоре улахан-сегеленняхских сосудов, помимо простых, встречаются сложные композиции из горизонтальных рядов округлых вдавлений, орнаментальных полос, выполненных зубчатыми и фигурными штампами, в т.ч. и антропоморфных изображений, имитирующих круговой хороводный танец. Обязательно наличие в зоне венчика от одного до трех горизонтальных рядов «жемчужин», выдавленных изнутри. Бортики почти всегда украшены вдавлениями и оттисками штампов. Характерно почти полное отсутствие налепного орнамента, являющегося основным отличительным признаком усть-мильской керамики, а также прочерченных узоров, из которых состоит подавляющее большинство композиций на ымыяхтахской посуде.

Обобщая выводы, можно констатировать, что во II тыс. до н.э. в Южной, Юго-Западной и Западной Якутии, вплоть до центральных ее областей, распространилась улахан-сегеленняхская культура. Ее основным индикаторным признаком является керамика, украшенная «жемчужинами», вдавлениями и оттисками штампов. Она имеет черты керамики как материнской ымыяхтахской культуры, так и пришло-го населения [Дьяконов, 2007, 2008, 2009, 2011; Алексеев, Дьяконов, 2009]. Улахан-сегеленняхские сосуды изготавливались техникой выколачивания, они круглодонные, имеют усложненную профилировку, стенки средней толщины. Характерна вафельная керамика, но встречается также рубчатая и гладкостенная. Улахан-сегеленняхская посуда по ряду признаков резко

отличается от усть-мильской и ымыяхтахской. Основу пришлого компонента среди улахан-сегеленныхцев составляли, по-видимому, глазковские племена, проникшие на территорию Якутии через верховья Лены, Вилюя, Олёкмы и Алдана. По имеющимся радиоуглеродным датам предварительно определяются календарные рамки существования улахан-сегеленныхской культуры – $1\ 900 \pm 400 \dots 1\ 350 \pm 350$ лет до н.э., это не менее 550 лет. Ее распространение, судя по всему, не было сплошным и всеобъемлющим, но охватывало обширную таежную территорию Южной, Юго-Западной и Западной Якутии.

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 144 с.
- Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е.** Археология Якутии (эпоха палеометаллов и средневековья): учеб. пособие. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1991. – 111 с.
- Алексеев А.Н., Дьяконов В.М.** Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 26–40.
- Антипина Н.В.** Новые археологические памятники Верхнего Вилюя // Новое в археологии Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 41–45.
- Архипов Н.Д.** Древние культуры Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 192 с.
- Багдарыын Сьюлбэ.** Топонимика Якутии: науч.-попул. очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – Якутск: Бичик, 2004. – 192 с.
- Ветров В.М., Самуилова О.В.** Новое направление в археологии Верхнего Витима (эпоха палеометалла) // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. к XXX регион. археол. студ. конф., 29–31 марта 1990 г. / отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – С. 122–124.
- Воробьев С.А.** Опыт экспериментального моделирования неолитической керамики Якутии и некоторые проблемы ее технологии // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 64–86.
- Воробьев С.А.** Алдакай I – поселение эпохи бронзы в Южной Якутии // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 44–65.
- Воробьев С.А.** Отчет об археологических раскопках многослойной стоянки Усть-Чуга II в полевой сезон 2006 года. Нерюнгри, 2007. 144 с. // Архив ОПИ ИА РАН.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г.** Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 76–82.
- Дерюгин В.А., Лосан Е.М.** Проблемы классификации, периодизации керамики эпохи палеометалла Северо-Восточного Приамурья // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии / отв. ред. И.Я. Шевкомуд. – Хабаровск: Хабар. краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. – С. 47–73.
- Дьяконов В.М.** К вопросу о составе керамики усть-мильской культуры Якутии // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: мат-лы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 33–35.
- Дьяконов В.М.** Антропоморфные изображения на керамике бронзового века Якутии // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура / под ред. Ю.Ф. Кирушина, А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 36–39.
- Дьяконов В.М.** Многолинейность развития культур бронзового века Якутии // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 62–67.
- Дьяконов В.М.** К проблеме перехода от позднего неолита к бронзовому веку в археологии Якутии // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради. – 2008. – № 37 (80). – С. 104–108.
- Дьяконов В.М.** Поздний неолит Центральной Якутии (по материалам памятников долины Туймаада): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 2009. – 22 с.
- Дьяконов В.М.** Погребение Нелегер – памятник усть-мильской культуры и вопросы хронологии погребальных комплексов бронзового века Якутии // VI Диковские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Н.Н. Дикова и 50-летию образования СВКНИИ ДВО РАН. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. – С. 110–113.
- Дьяконов В.М.** Керамика улахан-сегеленныхского типа в бронзовом веке Якутии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая 2011 г.) / под ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2011. – Вып. 2. – С. 163–170.
- Дьяконов В.М., Эртюков И.В.** Анализ орнамента и состава керамики бронзового века Якутии // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: (мат-лы XLI РАЭСК. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.) / под ред. А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 210–212.
- Жущиховская И.С., Понкратова И.Ю.** Сырьевая база, климат и традиции древнего гончарства (по материалам культур Восточной и Северо-Восточной Азии) // Вперед... в прошлое: К 70-летию Ж.В. Андреевой. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 103–149.
- Зыков И.Е.** Новые данные о времени перехода от неолита к бронзовому веку в Якутии // Идеино-политическое воспитание молодежи в свете решений XXV съезда КПСС. – Якутск: [б.и.], 1978. – С. 36–38.
- Кириллин А.С.** Многослойная стоянка Улахан Сегеленных на реке Токко // Археология Северной Пасифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 246–251.
- Кирьяк (Дикова) М.А.** Каменный век Чукотки (новые материалы). – Магадан: Кордис, 2005. – 254 с.
- Козлов В.И.** Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 55–61.

- Константинов И.В.** Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: Наука, 1978. – 128 с.
- Ксенофонт Г.В.** Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Якутск: Нац. кн. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1992. – Т. 1, кн. 2. – 320 с.
- Леонтьев В.В., Новикова К.А.** Топонимический словарь Северо-Востока СССР / науч. ред. Г.А. Меновщиков. – Магадан: Кн. изд-во, 1989. – 456 с.
- Медведев В.Е.** Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 234–267.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии // Берингия в кайнозойе. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 515–539.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Ноосфера и археология // Наука и техника в Якутии. – 2001. – № 1. – С. 28–33.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки: докл. для Междунар. Сев. археол. конгр. (г. Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г.). – Якутск: Полярный круг, 2002. – 60 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М.** Археологические памятники Якутии: Бассейны Алдана и Олекмы. – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г.** Археологические памятники Якутии: Бассейны Вилюя, Анабара и Оленёка. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Окладников А.П.** История Якутии. – Якутск: [Якут. гос. тип.], 1949. – Т. 1. – 436 с.
- Окладников А.П.** История Якутской АССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 430 с.
- Пекарский Э.К.** Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 2, вып. 5–9. – Стб. 1280–2508.
- Федосеева С.А.** Древние культуры Верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 170 с.
- Федосеева С.А.** Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: Кн. изд-во, 1970а. – С. 128–142.
- Федосеева С.А.** Эпоха бронзы на Алдане (по материалам многослойной стоянки Белькачи I) // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970б. – Вып. 3. – С. 303–313.
- Федосеева С.А.** Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история Юго-Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974. – Вып. 2. – С. 146–158.
- Федосеева С.А.** Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.
- Федосеева С.А.** Археология Якутии и ее место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества: Очерки по дописьменной истории Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: Литограф, 1999. – 132 с.
- Хлобыстин Л.П.** Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327–350.
- Хлобыстин Л.П.** Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии / под ред. В.В. Питулько, В.Я. Шумкина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 342 с.
- Шевкомуд И.Я.** Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.
- Шевкомуд И.Я.** Большебухтинская культура в Нижнем Приамурье // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2008. – Вып. 5. – С. 158–170.
- Эверстов С.И.** Этническая идентификация ымыяхтахских памятников Нижней Индигирки // Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии: К 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции: мат-лы Междунар. науч. конф. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – С. 206–210.
- Эверстов С.И.** Сугуннах – новая стоянка ымыяхтахской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999а. – С. 40–54.
- Эверстов С.И.** Изображения на бересте и этническая идентификация ымыяхтахских памятников Индигирки (в свете новых археологических открытий) // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999б. – С. 54–64.
- Эверстов С.И.** Пионеры бронзолитейного производства Якутии (в свете новых археологических открытий) // IV Диковские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня выхода в свет российской научной академической монографии С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С. 83–87.
- Эртюков В.И.** Основные типы керамики бронзового века Алдана // Новое в археологии Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 88–94.
- Эртюков В.И.** Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 152 с.
- Эртюков В.И.** Усть-мильская культура бронзового века и ее роль в древней истории Якутии // Археологические исследования в Якутии: тр. Прилен. археол. экспедиции. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 144–160.

*Материал поступил в редколлегию 21.12.11 г.,
в окончательном варианте – 04.05.12 г.*